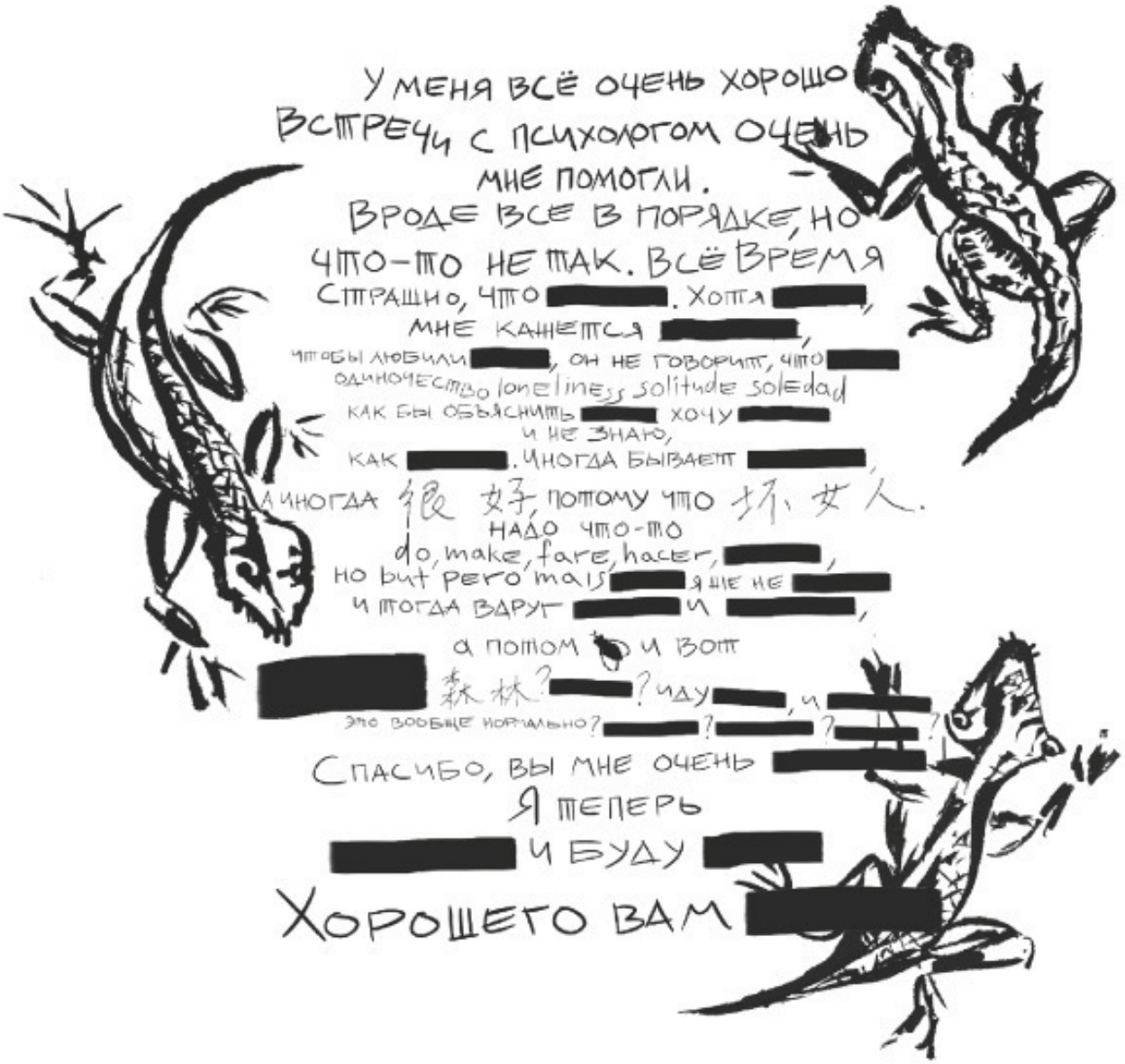
М.В. Новикова-Грунд

Лингвистика между психологией и психотерапией: мост над пропастью



Марина Новикова-Грунд

Лингвистика между психологией и психотерапией: мост над пропастью

«Техносфера»

2021

УДК 81+159.9+615.851
ББК 82.1+88+88.3

Новикова-Грунд М. В.

Лингвистика между психологией и психотерапией: мост над пропастью / М. В. Новикова-Грунд — «Техносфера», 2021

ISBN 978-5-94836-627-2

Психология как наука и психотерапия как ее практическое применение по мере их развития оказываются все больше удалены друг от друга. Научные методы, используемые в науке, прежде всего эксперимент и математическая обработка данных, обнаруживают свою неприменимость в психотерапии, где речь всегда идет о неповторимых частных случаях. В монографии предлагается подход, позволяющий применить научный инструментарий, включающий эксперимент и математизацию, к психотерапевтической практике. В основу работы положен метод решения собственно психологических задач с помощью лингвистического инструментария. Психосемиотический анализ текстов – это исследование системных выборов конкретного человека при порождении им текста. Такие выборы в процессе говорения или письма совершаются говорящим неосознаваемо, поскольку говорящий вынужден совершать их регулярно и чаще, чем ежесекундно, в процессе своей вербальной деятельности. Естественный язык предлагает почти бесконечное множество способов выразить по-разному одно и то же, и каждый говорящий, как показали наши исследования, системно предпочитает одни способы и отвергает другие. Каждый лингвистический выбор содержит значения, которые не рефлексируются в потоке речи, но которые могут быть обнаружены с помощью собственно лингвистичских инструментов: формальной семантики, глубинного синтаксиса и пр. Эти неосознаваемые значения связаны напрямую с экзистенциальной картиной мира говорящего, с его идентичностью. Результаты поиска экзистенциальной составляющей высказываний проверены с помощью неколичественных математических методов, не используемых, насколько известно, в экспериментальной психологии, хотя они успешно применяются в биологии, в частности, в генетике. Книга представляет интерес для психотерапевтов различных школ, для психологов, работающих в области экспериментальной психологии, для

лингвистов, занимающихся проблемами формальной семантики и глубинного синтаксиса, а также для исследователей-гуманитариев, использующих семиотические и структуралистские подходы в изучении литературы, театра и кинематографа, современного фольклора и пр. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 81+159.9+615.851
ББК 82.1+88+88.3

ISBN 978-5-94836-627-2

© Новикова-Грунд М. В., 2021
© Техносфера, 2021

Содержание

Благодарности 7
Введение I 8
Глава 1 13
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Марина Новикова-Грунд
Лингвистика между психологией и психотерапией: мост над пропастью

Издано в авторской редакции

© Новикова-Грунд М.В., 2021
© АО «РИЦ «Техносфера», оригинал-макет, оформление, 2021

Благодарности

Вечная моя благодарность безвременно ушедшей Елене Евгеньевне Кравцовой, которая всегда поддерживала меня в моих исследованиях.

Я очень благодарна Светлане Ошемковой, Елене Квашниной, Ольге Русаковской и Зинаиде Новиковой за их вдохновляющее, но критическое прочтение глав моего еще сырого текста, благодаря которому мне удалось исправить многие трудночитаемые фрагменты.

Я бесконечно благодарна Олегу Аншакову, который с невероятным терпением и доброжелательностью помогал мне справиться с моими математическими страхами.

Спасибо Иосифу Зислину, в тесном сотрудничестве с которым обсуждались многие идеи книги.

Сердечное спасибо Михаилу Куликову за сотрудничество в подготовке обложки.

Я счастлива была работать с замечательными профессионалами из издательства «ТЕХНОСФЕРА» – Сергеем Александровичем Орловым, Светланой Артемовой и Сергеем Бегуновым.

Благодарю учившихся у меня студентов за их интерес к психосемиотическому анализу текстов и за их прекрасные вопросы, которые побуждали меня продолжать работу.

Благодарю также Владимира Спиридонова за его постоянный скепсис относительно формальной семантики и неколичественных математических методов в психологии. Результатом именно этого теоретического недоверия и стал метаязык, разработанный специально под задачи формального анализа текстов психотерапевтических клиентов.

Введение I

В своей статье «Исторический смысл психологического кризиса» Л. С. Выготский пишет: «Всякое конкретное явление совершенно неисчерпаемо и бесконечно по своим отдельным признакам; надо всегда искать в явлении то, что делает его научным фактом. Это именно отличает наблюдение солнечного затмения астрономом от наблюдения этого же явления просто любопытным. Первый выделяет в явлении то, что делает его астрономическим фактом; второй наблюдает случайные, попадающие в поле его внимания признаки».

И далее он сравнивает, какие признаки понимаются как неслучайные в трех различных направлениях в психологии: «… что делает психологическими фактами самые разнообразные явления – от выделения слюны у собаки и до наслаждения трагедией, что есть общего в бреде сумасшедшего и строжайших выкладках математика? Традиционная психология отвечает: общее – то, что все это суть психологические явления, непространственные и доступные только восприятию самого переживающего субъекта. Рефлексология отвечает: общее то, что все эти явления суть факты поведения, соотносительной деятельности, ответные действия организма. Психоаналитики говорят: общее у всех этих фактов… – это бессознательное, лежащее в их основе». Таким образом, давняя, осуждавшаяся еще схоластами проблема интерпретации приобретает в рассуждениях Выготского новое качество: множественность интерпретаций и возможность одновременного существования двух и более в равной степени справедливых интерпретаций становятся действенным методологическим инструментом в парадигме неклассической науки и неклассической психологии в частности.

Но интерпретация – это некоторое «внешнее действие», которому предшествует «внутреннее действие» – понимание. Существуют две философские традиции, два методологических подхода, разделяющие это двуединство: герменевтический, апеллирующий к «внутреннему действию», пониманию, и позитивистский, опирающийся на «внешнее действие» – интерпретацию. В предлагаемой работе делается попытка совместить в духе представлений Выготского оба этих действия, заместив противопоставление объединением.

В «Картезианских размышлениях» Гуссерля содержится такое рассуждение: «Другихя постигаю на опыте… С одной стороны, как объекты мира…, как психофизические объекты, они своеобразно слиты в мире с телами. С другой стороны, я в то же время постигаю их на опыте как субъектов этого мира, как тех, кто постигает на опыте этот мир, причем тот самый мир, который постигаю я сам, и при этом я постигаю их как постигающих меня самого, меня – как постигающего на опыте мир, а в нем – Других». Неопозитивистская традиция, обороняясь от «избыточной роскоши» представлений феноменологического и герменевтического подходов, пытается аскетически свести понимание к «объяснению» взамен «вчувствования». Вот аргументация, посредством которой обосновывают свою оценку понимания Гемпель и Оппенгейм: понимание не может быть необходимым, так как поведение психически больных или людей, которые принадлежат к достаточно чуждой исследователю культуре, иногда можно объяснять и предсказывать, исходя из всеобщих принципов, несмотря на то, что исследователь, который формулирует или использует эти принципы, не в состоянии понимать этих людей путем вчувствования.

Истолкование, интерпретация – это тот синонимический ряд, которым определяется собственно герменевтический подход к проблеме понимания. Вчувствование – необходимое дополнительное условие, обеспечивающее взгляд «изнутри». Отказ от вчувствования и объяснение – базисные пункты в позитивистском подходе к проблеме понимания, для которого характерна специфическая зависть к точным наукам, побуждающая стремиться к точности и однозначности высказывания.

Задача настоящей работы связана с характером интерпретации и типом верификаций сегментов текста, порождающих эффект непонимания у адресата этого текста, и, соответственно, она оказывается в поле притяжения этих двух интенций – герменевтической и позитивистиской. Для подхода к решению этой задачи мы попытались сконструировать позитивистский по сути подход к акту понимания. Однако мы исходили из предположения, что «вчувствование» не находится в оппозиции к такому подходу, а также основывается на знаках. Просто эти знаки не считываются так же осознанно, как данные павловских экспериментов. Однако они и не принадлежат к почти закрытой для наблюдения сфере бессознательного по Фрейду, а скорее относятся к области бернштейновского неосознаваемого. Но автоматизированные и потому перестающие осознаваться действия вновь открываются для осознания, стоит их в достаточной степени замедлить, чтобы разрушить автоматизм.

Понимание является основой психотерапии в практически любом направлении, в любой психотерапевтической школе. Слушать, понимать, быть услышанным и быть понятым – вот рабочая задача, общая и для психотерапевта, и для его клиента. Рабочий процесс понимания – это интерпретации услышанного. При диалоге эти интерпретации взаимны, проходят многократные переформулировки и уточнения: «Верно ли я услышал?…», «Почему вы сказали, что…?» Чем больше психотерапевтический контакт уходит от диалога в сторону монолога, тем более произвольными оказываются интерпретации слушающего. Однако даже в самом успешном диалоге резюмирующие интерпретации психотерапевта оказываются некоторой, пусть промежуточной, но истиной. Сами множественность и произвольность интерпретаций основываются на вере хотя бы одного из пары клиент – психотерапевт в их истинность. В принципе, можно рассмотреть даже диалог клиента с психотерапевтом – искусственным интеллектом, который обучен повторять некоторые слова услышанного, задавать по ним вопросы и в паузах говорить «гм», получая неплохой результат. Но даже в этой гипотетической версии, очень напоминающей чеховский разговор с лошадью, клиент, который говорит, в сущности, с самим собой, оказывается в позиции интерпретатора, внешней по отношению к самому себе говорящему.

Интерпретация, таким образом, опирается либо на интуицию внешнего другого, что хуже, либо на внутреннюю, собственную, что лучше, так как по крайней мере соотносится именно с этим клиентом в этой ситуации здесь и сейчас.

Очевидно, что из-за определенной произвольности толкования непременно обнаруживается больше чем одна интерпретация. Это происходит не только при обращении клиента к другому терапевту, но и в процессе работы с одним и тем же специалистом.

И тут возникает одна из фундаментальных проблем, которых давно умеют остерегаться как точные, так и экспериментальные науки. Почему среди терапевтов, принадлежащих к одному направлению, в равной степени обученных, оказываются весьма эффективные и малоэффективные? Почему один и тот же терапевт, работая с одним и тем же клиентом, от сессии к сессии достигает то большего, то меньшего успеха? Наконец, почему самые эффективные терапевты, как правило, испытывают постоянные сомнения в том, действительно ли является успехом то, что успехом иногда кажется?

Разумно предположить, что дело здесь в недостаточности того, что принято обозначать крайне расплывчатым термином «понимание», в неопределенности понятия «понять». Относительно интерпретирующего понимания отсутствуют методы объективной доказательности, невозможно проверить, действительно ли данная интерпретация или множество данных интерпретаций релевантны. Впрочем, существует системный принцип, уже усвоенный во многих психотерапевтических школах: слушать не только то, что говорит клиент, но и то, как он это говорит. При обучении психотерапии обязательно указывают, как важно обращать внимание на невербальные элементы: дыхание, позу, паузы. Супрасегментные элементы: интонационный контур, выделение одних и проглатывание других слов, запинание – также используются

как основа для интерпретаций. Однако наиболее надежный и более формализуемый уровень – лингвистический – используется, как правило, в очень небольшой степени. Возможно, это происходит из-за того, что носитель языка, будь это клиент или терапевт, осознает лингвистические средства, которыми пользуется, в ничтожно малой степени. Замечательному востоковеду Гранде приписывается сравнение: «Рыба плавает в воде, но ничего не знает про H_2O. Носитель языка так же мало знает про язык, на котором он говорит, как рыба про воду». Использование всего спектра лингвистических возможностей родного языка в потоке речи не является бессознательным. Это «неосознаваемое» по Бернштейну – действие, автоматизированное благодаря многократному повторению до той степени, что почти не нуждается в контроле сознания. Но разрушение автоматизма с помощью «замедления» наталкивается на сильное внутреннее сопротивление носителя языка. С этим хорошо знакомы лингвисты, особенно те из них, кто занимается семантикой. Этот факт не отражается в работах по семантике, так как не связан с их тематикой, но регулярно сообщается в ходе частных бесед: «Чуствуешь раздражение, тяжесть и растерянность. Как говорить о том, что и так интуитивно понимаешь?» Вероятно, похожие чувства испытывают и психологи, когда им приходится работать с лингвистическими инструментами. Возможно, поэтому арсенал лингвистических подходов в психологии достаточно беден, архаичен и не систематизирован.

Между тем учитывать, какими языковыми механизмами пользуется клиент, а какими пренебрегает или стремится избегать, – это очень надежный способ понимания. Выбор слова – и, соответственно, отказ от другого слова; выбор синтаксических конструкций, выбор грамматических времен, выбор структуры сюжета – все при подробном анализе дает в строгом смысле «отображение на текст» экзистенциальной картины мира говорящего. Лингвистические выборы в потоке речи совершаются одновременно бесконечное количество раз, и совершаются с такой скоростью, которая в общем случае исключает принятие сознательных решений относительно этих выборов, поэтому они безусловно честны: говорящий не в состоянии проконтролировать этот поток для достижения эффекта социальной желательности, для симуляции или диссимуляции своих внутренних состояний, наконец, просто для подтверждения своего образа Я, такого, каков этот образ в его видении. Гипотеза о системности выборов и отказов в потоке речи была экспериментально подтверждена в первой части нашего исследования. Предлагаемая работа является его логическим продолжением.

Исследование 2014 года было практически полностью посвящено уникальной картине мира человека и аргументации того, что она реально существует, а не является общепринятой метафорой. Было также показано, как она регулярно и системно отображается на любой текст, который индивид произносит или пишет.

В его продолжении **промежуточной целью** было создать достаточно простой и по возможности универсальный механизм обнаружения или, точнее, извлечения из любого текста человека отображения его картины мира. **Конечной целью** являлось создание карты картины мира индивида. Требования к этой карте следующие: ее построение в каждом конкретном случае должно быть достаточно быстрым и не зависеть от индивидуальных представлений, ожиданий и предварительных интерпретаций того, кто ее строит; она должна достаточно наглядно представлять отображение картины мира индивида.

Мы воспользовались принятой схемой упрощения сложного философского понятия «картина мира», которая разработана в экзистенциальной психотерапии и используется И. Яломом. В редуцированном виде она сводится к конструкции, включающей в себя специфические для данного конкретного человека и не полностью осознаваемые им представления о своих ПРОСТРАНСТВЕ, ВРЕМЕНИ, ИДЕНТИЧНОСТИ, СВОБОДЕ, СМЕРТИ.

Извлечение отображения картины мира из текста следовало свести к обнаружению этих экзистенциальных понятий в любом тексте, каким бы способом они ни были зашифрованы или умолчаны. При этом акт извлечения не должен был свестись к произвольной интерпретации,

которой можно было бы противопоставить десяток других, не менее остроумных. Напротив, акт извлечения должен был обладать такими качествами, как воспроизводимость и, в идеале, компьютабельность, то есть быть формализован настолько, чтобы его можно было представить в виде алгоритма. Компьютабельность не рассматривалась как отдельная цель, а служила лишь средством проверки того, воспроизводим ли результат извлечения.

Поставленная цель определила стоящие перед исследованием задачи.

Несмотря на уже состоявшуюся редукцию хайдеггерианских понятий к более простым представлениям экзистенциальной психотерапии, они сохранили свою размытость и многоликость, оставляя простор для различного понимания и для многообразия интерпретаций.

Задачей предлагаемого исследования стала дальнейшая семантическая редукция экзистенциальных понятий. Очевидные потери смыслов, которые неизбежны при любой редукции, должны во-первых, компенсироваться такой однозначностью полученных конструктов, которая защищала бы от произвольности и множественности интерпретаций. Во-вторых, конструкты, полученные в результате редукции, обладают важным качеством «существования»: оставшиеся в процессе редукции смыслы представляют собой не редуцируемую далее семантическую основу, скелет понятия. На эту базу и опираются другие, дополнительные, иногда очень усложненные значения и их коннотации, которые и могли быть утрачены в ходе редукции.

Слова, обозначающие экзистенциальные понятия, точнее, служащие им «ярлыками», семантически весьма насыщены и полисемичны. Поэтому они могут пониматься множеством способов, которые вдобавок умножаются благодаря индивидуальному опыту каждого говорящего и каждого слушающего, и еще раз умножаются благодаря тому или иному контексту, в окружении которого оказываются. Эта множественность интерпретаций весьма важна, так как именно она создает неисчерпаемую философскую глубину каждого понятия. Однако она весьма вредна с методологической и с собственно технологической точек зрения, поскольку благодаря ей ни один содержательный текст не может быть понят и, следовательно, проинтерпретирован однозначно: так, чтобы интерпретации разных людей полностью совпали. Задача же построения карты текста может считаться решенной только в случае, если разные люди с различным жизненным опытом и находящиеся в различных условиях построят карту одного и того же текста единообразно. В процессе поиска решений, которые позволили бы справиться с многозначностью экзистенциальных понятий, была создана специальная психолингвистическая техника. Ее применение открыло возможность выделить из любого понятия его неизменяемую семантическую основу. Эта основа, «скелет» любого, даже самого сложного и многозначного понятия, присутствует в любом частном узусе этого понятия – в противном случае коммуникация относительно этого понятия была бы невозможной.

При таком подходе открывается путь к доказательности интерпретаций и к экспликации строгими формальными методами интуиции терапевта. Именно формализмы – это то, что, первоначально утяжеляя, замедляя и обедняя работу с интерпретациями, позволяют затем проверить их с помощью матметодов и в дальнейшем работать с ними быстро, имея возможность на каждом следующем шаге уточнять степень их корректности, в том числе подтверждать, что данная интерпретация адекватно описывает именно данный кейс, а точнее – именно этого человека здесь и сейчас, а не некоторый «психотип», или диагноз, или кейс, описанный некоторым авторитетным автором в другой ситуации и в другое время. На точности конкретной интерпретации оказывается возможным строить обоснованный и успешный план дальнейшей терапии, причем план «экологичный», когда можно говорить на языке клиента, опираться не на свой, а на его жизненный и эмоциональный опыт, на его ресурсы, а не требовать от него перейти на чужой ему язык психотерапевта и использовать чужой опыт для решения собственной проблемы.

Опираясь на лингвистическое «Как он это говорит?», оказалось возможным сформулировать в процессе беседы (или нескольких диагностических бесед) диагностику проблемы клиента и дальнейший терапевтический план как задачу с недостаточным и избыточным условиями, которая подлежит дальнейшему решению по алгоритму.

Для формулировки, а затем решения этой задачи была создана формальная техника. Описываемая техника была названа процедурой семантического наполнения понятий конкретными содержаниями – ПСН.

Целью ее явилось выявить среди множества значений слова, обозначающего то или иное понятие, некоторое семантическое ядро, присутствующее в любом, даже очень усложненном или странном использовании этого слова любым носителем языка. Семантическое ядро заведомо оказывается значительно примитивнее и беднее, чем само понятие, обозначаемое словом. Но оно составляет тот семантический фундамент, на котором покоится все богатство разнообразных сложных значений. На основе выявления ядерных значений выстраивается карта экзистенциальной картины мира именно данного, «этого» человека, а также обнаруживается место, которое занимает в картине его мира проблема, послужившая поводом обращения за помощью. Одновременно обнаруживаются также стратегии решения этой проблемы самим клиентом – как успешные, так и не приведшие его к успеху. Дальнейший терапевтический план создается с помощью не привнесенных извне, а собственных стратегий клиента, что определяет их доступность, нетравматичность и приемлемость для него.

Глава 1
Процедура семантического наполнения понятий конкретными содержаниями (ПСН)

Общая характеристика процедуры семантического наполнения понятий

Процедура семантического наполнения понятий (ПСН), направленная на извлечение семантического ядра, состоит из трех последовательных этапов.

Первый, собственно экспериментальный этап заключается в получении разнообразного вербального материала по моделируемому понятию.

На втором этапе этот вербальный материал сводится к инварианту, сформулированному в словах естественного языка – но с тенденцией к обеднению словаря и с предпочтением по возможности семантических примитивов по Вежбицкой. Семантический инвариант, извлеченный из разнообразных произвольных высказываний, содержащих анализируемое понятие, представляет собой семантическое ядро этого понятия. Однако в руках разных исследователей словесные формулировки инварианта могут существенно различаться, что противоречит поставленной «картографической» задаче. Для унификации формулировок и, соответственно, минимализации интерпретативной произвольности, вводится третий этап.

На третьем этапе произвольно сформулированный инвариант помещается в оболочку метаязыка, созданного непосредственно для решения поставленной задачи. Для этого произвольные слова, в которых был сформулирован инвариант на втором этапе ПСН, определяются как «сырые слова» (по аналогии с «сырыми баллами») и переписываются в оболочке метаязыка. Сам метаязык создавался рекурсивно в ходе ПСН по системным алгоритмам, которые будут описаны ниже.

Перейдем к подробному описанию каждого из трех этапов ПСН.

Поэтапное описание процедуры семантического наполнения понятий

Первый этап. Получение вербального материала. Способы получения и обработки вербального материала

На первом этапе от группы испытуемых – носителей языка необходимо было получить вербальный материал, содержащий контексты с исследуемым понятием, подлежащим формализации. Задачей было получение максимально конкретных ответов. В зависимости от семантической сложности понятия применялась одна из следующих инструкций.

Наиболее простым и подходящим для «группового» использования был способ, при котором испытуемым просто предлагали составить 10–15 предложений со словом, обозначающем соответствующее понятие. Чтобы избежать преобладания в ответах абстрактных слов, не имеющих конкретного десигнанта, испытуемых просили объяснить смысл исследуемого понятия для маленького ребенка. После подобной просьбы они обычно переходили от общих и расплывчатых высказываний к простым и конкретным, сопровождая свои объяснения наивными жизненными примерами. Эта модель показала свою высокую эффективность при работе с предикатами, причем предпочтительнее оказалось предъявлять исследуемый предикат в виде личной формы глагола, чем в виде другой части речи. Например, при получении вербального материала для понятия Любовь испытуемые выполняли задание быстрее и использовали больше конкретной лексики, когда задание сформулировалось так: «Напишите 10 предложений по следующей схеме: меня любит (…), потому что (…)». Другая модель: «Напишите 10 предложений по следующей схеме: любовь – это когда (…)» – работала медленнее и с большим количеством абстрактной лексики.

Однако для исследования некоторых понятий, слишком очевидных интуитивно, чтобы поддаваться каким-либо вербальным объяснениям, описанные варианты инструкции оказывались неэффективными. В попытке объяснить такие понятия испытуемый начинал беспомощно делать жесты руками, сопровождая их несвязными междометиями. В случае подобного отказа в действие вступала индивидуальная инструкция: испытуемому предлагался ряд ситуаций, из которых его просили выбрать те, что могут служить примером понятия. Затем следовало остановиться на отвергнутых и обсудить, как нужно достроить эти отвергнутые ситуации, чтобы они тоже подошли под определяемое понятие.

В результате первого этапа каждому исследуемому понятию оказывалось поставленным в соответствие множество множеств контекстов-узусов: каждый испытуемый создает свое множество узусов, а множество всех откликов всех участвовавших в эксперименте людей представляет собой множество множеств. Таким образом, вербальный материал, полученный от экспериментальной группы, можно было интерпретировать как глоссарий. Глоссарий – это особый тип словаря. В отличие от толкового, он не предлагает истолкований слова и, в отличие от двуязычного, не дает перевода слова на другой язык. Вместо этого в нем приводятся различные употребления (узусы) одного и того же слова в различных контекстах (ср., наир., словарь Срезневского)

Полученный материал отличается от материала традиционного глоссария своим удобством для последующей формальной обработки: каждое отдельное множество откликов имплицитно отражает систему взглядов, представлений, эмоционального опыта одного конкретного человека, содержит систему свойственных именно ему смысловых оппозиций, а множество множеств уже не связано с индивидуальностью конкретного испытуемого.

Экспериментальная корректность первого этапа ПСН

Здесь следует специально остановиться на проблеме экспериментальной корректности.

Какова минимальная величина экспериментальной группы? Каковы должны быть характеристики контрольной группы? Как оценить вероятность артефактов?

И наконец, как осуществлялся отбор испытуемых в экспериментальную группу и какова была контрольная группа?

Суть процедуры ПСН, при которой высказывания испытуемых «суммируются», состояла в том, что из них извлекались общие для любого носителя русского языка значения. Напротив того, сугубо индивидуальные или случайные значения, которые могли бы встретиться в высказываниях некоторых испытуемых (реально такая ситуация возникала редко), не учитывались. Инвариант в сырых словах формировался только из повторов. Исходя из этого, можно грубо оценить погрешность: при увеличении количества испытуемых в экспериментальной группе возрастала вероятность, что значения, отвергнутые как индивидуальные, будут повторены кем-либо из испытуемых, после чего их следует ввести в инвариант; наоборот, при уменьшении количества испытуемых может возрастать количество индивидуальных, отвергаемых значений и уменьшаться количество инвариантных, общих значений. Другими словами, инвариантное значение, извлеченное из ответов 100 испытуемых, оказывалось несколько богаче (то есть включало в себя больше значений), чем то, что было выведено из ответов пяти. Таким образом, при увеличении экспериментальной группы к множеству тех значений, которые обнаружились при работе с пятью испытуемыми, добавлялись иногда еще несколько значений, но ни одно значение из тех, которые были получены в небольшой группе, не отменялось и теоретически не могло отмениться. Поэтому работа с небольшой экспериментальной группой создавала лишь риск снизить степень подробности, но риск принять несуществующие значения за существующие не возникал.

Содержательная часть ПСН определила и специфику отбора испытуемых в экспериментальную группу: отбор испытуемых для задач по семантическому наполнению понятия (ПСН)

отсутствовал, поскольку отсутствует «частная собственность на язык» (Вежбицкая), гарантируя понимание слова любым носителем языка – в противном случае понимание между людьми было бы невозможно и каждый человек был бы заперт «в тюрьме собственного языка».

Оптимальное число участников также связано с содержанием процедуры, хотя и было уточнено эмпирически. Для экспериментальной группы было сочтено достаточным 5—10 носителей языка; их пол, возраст и индивидуальные личностные и ситуативные особенности никак не оказывали влияния на результаты и были нерелевантны в отношении проводимого исследования.

Минимальным числом участников экспериментальной группы можно в пределе считать одного носителя языка. В этом случае инвариант окажется беднее, чем при большем числе испытуемых, но, как уже было указано выше, останется полноценным инвариантом. Ни одно из извлеченных для него значений не может быть отменено в случае увеличения экспериментальной группы, хотя дополнительные значения могут быть добавлены. Речь, таким образом, идет всего лишь о большей или меньшей подробности инварианта. Эмпирически удалось установить, что отклики 10 и 100 испытуемых практически совпадают по степени подробности, в то время как отклик одного испытуемого может оказаться в среднем на 3 значения беднее.

Артефакты при применении ПСН не могут возникнуть. При любом произвольном числе испытуемых в экспериментальной группе не возникнут ситуации, когда несуществующее будет проинтерпретировано как существующее: любые семантические повторы отражают некоторое существующее в языке событие. Однако даже если предположить осознанный сговор нескольких испытуемых, следствием которого становятся их намеренно «неправильные» ответы (психолингвистический вариант декартовского «злого даймона»), то последствия такого сговора лишь создадут тупиковое ответвление инварианта, которое далее не будет возникать в других спонтанных высказываниях. Напротив, вероятность утрат реально существующих значений велика, не поддается количественной оценке и сохраняется при любом произвольном увеличении числа испытуемых в группе.

В психолингвистическом эксперименте описываемого типа принципиально снимается необходимость контрольной группы, поскольку в ракурсе поставленной задачи (сугубо редукционистской в своем главном условии) любой носитель языка никак и ничем не отличается от любого другого носителя языка: все индивидуальные лингвистические (стилистические, прагматические и идиолектные) различия, как и психологические особенности, подлежат осознанному и последовательному «стиранию». В принципе, контрольной группой могли бы стать такие носители русского языка, которые бы, говоря абсолютно непонятно для экспериментальной группы, тем не менее были бы понятны друг для друга. Но в этом умозрительном случае речь шла бы о носителях другого, чем русский, языка.

По завершении первого этапа ПСН – получения достаточного вербального материала – следовал переход ко второму этапу.

Второй этап ПСН. Выделение из вербального материала инварианта/инвариантов с формулированием его/их в сырых словах

На втором этапе множество множеств откликов-узусов подлежало обработке. Из каждого множества откликов выделялся инвариант: то общее, что содержалось во всех высказываниях одного испытуемого. Затем из множества полученных инвариантов вновь выделялся инвариант. Подобная «двойная дистилляция» позволила нейтрализовать случайные клише, социально-одобряемые ответы и пр., уменьшая до минимума уровень информационного шума.

Извлечение инварианта проводилось по обычной технологии работы с глоссарием. Из вербального материала выбирались семантические повторы. Повторы суммировались, и инвариант формулировался в «сырых словах», то есть на естественном языке, но с тенденцией к

бедности словаря. Результатом второго этапа было получение инварианта понятия в «сырых словах».

Первый этап ПСН был сугубо эмпирическим, а второй, как легко убедиться, опирался почти исключительно на «здравый смысл» исследователя, и вследствие этого оценить строгость и однозначность его результатов было сложно. Собственно, имелось всего два пути для изменения статуса этих результатов с интерпретативного на строгий. Один из них, достаточно традиционный, – это использование для верификации экспертной группы, консолидированное мнение которой подтверждало бы или опровергало полученную на втором этапе интерпретацию. Нами этот путь был отвергнут как недостаточно точный: отбор экспертов в группу при подобном подходе остается на совести самого отбирающего и создает возможность получения желаемого отклика. Нами был избран второй путь, также достаточно традиционный в лингвистике и в области искусственного интеллекта, но сохраняющий статус «экзотического» в психологических исследованиях. Этот путь – гораздо более трудоемкий, но безупречный с теоретической точки зрения – предполагает переформулирование результатов более или менее произвольной интерпретации на метаязык, специально созданный под поставленную задачу. Такое собственно математическое решение требует существенных дополнительных усилий, поскольку, в отличие от других математических методов, например, от элементарных статистических, не позволяет воспользоваться готовыми формулами, а требует математизации заранее не известных и, возможно, не описанных до сих пор структур.

Третий этап. Формализация инварианта в оболочке метаязыка. Метаязык как способ корректного представления инварианта. Общее описание

На третьем этапе высказывания в сырых словах подлежали формализации. С этой целью был разработан формальный метаязык.

Третий, метаязыковой этап процедуры семантического наполнения понятий подразумевал изменение словесных высказываний на естественном языке на высказывания, «сконструированные» некоторым особым образом.

С помощью каких слов следовало их конструировать? Исходя из поставленной цели, они должны по каким-то причинам удовлетворять нас больше, чем предшествующие им высказывания участников эксперимента: и испытуемых, и экспериментаторов.

Общие функциональные характеристики метаязыка

Язык описания, или метаязык, – это логический инструмент, используемый для защиты системы утверждений от произвольности и неопределенной множественности интерпретаций. Количественные математические подходы, являясь почти идеальным в своей универсальности метаязыком, обеспечивают формальную строгость и жестко ограничивают множественность интерпретаций в самых разных областях исследования – от физики и до статистики. Однако в качественных исследованиях, например, в теории игр, в биологии, в формальной семантике, количественные математические подходы часто оказываются слишком грубыми и потому малоэффективными. В этих случаях успешно используются не количественные, а качественные метаязыки, обладающие меньшей универсальностью, чем «количественная математика», и разрабатываемые специально «под задачу». Именно к этому типу – к качественным метаязыкам – должен был принадлежать метаязык ПСН, разработанный под конкретную задачу.

Эвристический материал «пуговичного эксперимента» как множество объектов, подлежащих формализации

В качестве объекта формализации были выбраны ключевые элементы экзистенциальной интерпретации «пуговичного эксперимента»: Пространство, Время, Идентичность, Смерть,

Свобода. Детальное описание эксперимента содержится в [Н-Г, 2014], здесь же остановимся на нем коротко.

Участнику эксперимента предлагался набор из 9 пуговиц разной величины, цвета и фактуры, выложенных на лист бумаги на столе. Инструкция сводилась к тому, чтобы участник эксперимента «показал, как с ними можно играть». В ходе эксперимента все без исключения испытуемые, как дети, так и взрослые, действовали по одной схеме: (1) они выбирали среди пуговиц одну, которая обозначалась как «исключительная»; (2) эта пуговица некоторое время взаимодействовала с другими, причем другие пуговицы по ходу игры определялись как одушевленные *(фигуры),* или неодушевленные *(вещи),* или сбрасывались за пределы листа как «ненужные»; (3) в какой-то момент появлялась «Черная Пуговица», олицетворявшая зло *(злой дядька, медведь и пр.),* и (не всегда) «хорошая пуговица» (защищающая, или нуждающаяся в защите фигура, или желаемая, нужная, «прекрасная» вещь); (4) какое-то время длилась конфронтация с «Черной Пуговицей» (бегство, нападение и пр.); (5) конфронтация заканчивалась победой одного персонажа и поражением другого.

То, что делали испытуемые в ходе эксперимента с произвольными объектами, было не чем иным, как созданием текстов. Поскольку это было абсолютно спонтанное порождение текстов, не осознаваемое как таковое, не могло идти речи ни о стилистике, ни о цитировании, аллюзиях и пр., демонстрировался нарратив – сюжет в чистом виде. При всем специфическом многообразии выстраиваемых сюжетов они являлись репрезентациями одной и той же модели, и их без затруднений можно было свести к схеме, состоящей из экспозиции, завязки-недостачи, тела текста-конфронтации, развязки-компенсации недостачи и коды. Семишаговая структура «архисюжета» экзистенциальной парадигмы, проиллюстрированная пропповскими функциями волшебной сказки, которым она оказалась гомоморфна, выглядела так.

1. Первый шаг – это выбор среди случайных предметов одного, который номинируется как субститут Я и становится объектом частичной метаморфозы испытуемого; такой выбор сопровождается обозначением качеств, благодаря которым субститутом Я испытуемого оказался именно этот случайный предмет. В пропповской системе функций, которая неожиданно оказалась гомоморфной семишаговой, это было бы обозначено как экспозиция, которая легко может быть смещена или опущена (функция «1»: жил-был царь). В терминах экзистенциального подхода в акте первого выбора репрезентируется идентичность автора в аспекте ее исключительности, исключенности из мира других живых существ, предметов и явлений.

2. Второй шаг – это появление в сюжете объектов, маркированных как «не я»: живых (фигур) и неживых (вещей), расположенных на шкале «мое-чужое». Некоторые фигуры и вещи оказываются объектами частичной экспансии, то есть вовлекаются в поле идентичности Я, становясь носителями его качеств, другие фигуры и вещи противопоставляются субституту Я. Введением объектов, характеризующихся как «не-Я», репрезентируется Другой. В пропповской системе функций это не обозначено специальной функцией, хотя присутствует во всех волшебных сказках, располагаясь также в экспозиции («1»: двое умных, а третий дурак). С экзистенциальных позиций это противопоставление моего мира миру других людей и предметному миру. По-видимому, для Проппа и последующих поколений исследователей такое противопоставление было настолько тривиальным и необходимым предварительным действием, что не было отрефлексировано и, соответственно, не получило статуса «функции».

3. Третий шаг – это выбор среди фигур и вещей, обозначающих других, «плохого», опасного объекта (живого – антагониста или неживого – препятствие), угрожающего субституту Я утратой жизни или идентичности. В пропповской системе функций это серия завязок – «левых частей» парных функций. В экзистенциальной парадигме это репрезентация страха смерти как физического небытия или как утраты идентичности.

4. Четвертый шаг – это выбор объекта желания, которому предназначается стать идеальным объектом Метаморфозы и/или экспансии, а также помощников и защитников («моих»

фигур и вещей по шкале «мое – чужое»). По Проппу, это функции волшебного помощника, волшебного предмета и пр. В экзистенциальной парадигме это репрезентация любви – от ее полного проявления до редукций наподобие желания иметь некоторую вещь. Следует отметить особо, что именно этот, четвертый шаг, оказывается факультативным. В «пуговичном эксперименте» он иногда бывает пропущен, так как для части детей и взрослых единственным предметом любви становились они сами, точнее, их символическая репрезентация в «пуговичном» обличии. В волшебных сказках Иван-дурак тоже нередко обходится своими силами, не прибегая к помощи волшебного помощника или предмета и даже не испытывая надобности в Василисе Прекрасной; он лишь вступает в серии конфронтаций с антагонистами и последовательно губит их. Но и в экзистенциальном подходе к картине мира «любовь» или «близость» присутствует не всегда. Так, у Хайдеггера и экзистенциальных психологов, использующих хайдеггерианскую парадигму, «любовь» не выделяется в качестве отдельной экзистенциальной сущности.

5. Пятый шаг в построении сюжета можно считать Телом Текста: субститут Я предпринимает различные действия против антагониста/препятствия и в защиту объекта желания. По Проппу, это серия конфронтационных функций. С экзистенциальной точки зрения, это не что иное, как репрезентация свободы.

6. Шестой шаг – это Развязка. Субституту Я удается (победа) или не удается (поражение) соединиться с объектом желания и устранить/устраниться от антагониста/препятствия. В терминологии Проппа это представлено «правыми частями» серии парных функций. Прямых соответствий в экзистенциальной парадигме не обнаруживается, естественнее всего это можно интерпретировать как успешное или неуспешное осуществление Свободы, которая, таким образом, состоит из двух ходов: предпринимаемые действия (начало) – и успех либо неуспех этих действий (финал). После финала единой последовательности из шести ходов сюжетная схема исчерпывается и может начаться следующая серия из шести ходов.

7. Седьмой шаг – это Метаморфоза. Субъект переживает новое состояние, в котором он обнаруживает себя в результате победы (или поражения – что крайне редко встречается в текстах ТМ и волшебных сказках, но достаточно обычно для спонтанных устных текстов в клинических беседах). У Проппа это функция 31 Свадьба, но также функции 27–28 Узнавание и Изобличение, и функция 29 Трансфигурация; в экзистенциальной парадигме это можно интерпретировать как подтверждение идентичности или обретение новой идентичности, то есть метаморфозу: «превращение себя в себя», подтверждение идентичности или обретение новой идентичности.

Семишаговая структура была принята как универсальная: она повторялась во всех экспериментальных сериях. Все без исключений отступления от описанной структуры представляли собой ее неполные формы, характеризуясь пропуском или повторением одного или нескольких шагов. Так, при определенных личностных чертах испытуемого – например, при очень высокой тревожности – вместо перехода к третьему шагу возникали своего рода персеверации: бесконечные повторения первого и второго шагов; при сочетании высокого уровня агрессии и эгоцентризма многократно и однообразно повторялись пятый и шестой шаги.

По методологическим соображениям выявленная сюжетная структура не могла быть сочтена неким «архисюжетом», но ее удобно было использовать как способ описывать любой текст в его сюжетной составляющей. Так, оказалось удобным строить описание сюжета любого произвольного текста как структуры, состоящей из семи элементов: двойной экспозиции, завязки, двойного тела текста, развязки и метаморфозы, причем каждый из этих элементов мог быть и «нулевым», то есть «умолчанием»: отсутствовать в тексте, но влиять, тем не менее, на остальные элементы сюжета.

Каждый из элементов сюжетной схемы был с допущением известной произвольности проинтерпретирован в обсуждении результатов эксперимента как экзистенциальные переживания Идентичности, Смерти и Свободы, совершающиеся в Пространстве и Времени.

Все эти экзистенциальные сущности осмыслялись в логике построения сюжета.

По этой логике в начале построения сюжета, в его экспозиции, создавался образ Пространства, Времени и Идентичности протагониста: испытуемый раскладывал на листе бумаги пуговицы, некоторые из них отвергал, некоторые обозначал как неживые предметы, некоторые – как живых людей и животных, и назначал Я-объектом лучшую, главную, исключительную пуговицу. Экспозиция состояла из двух частей: внешней *(эта пуговка – я, потому что она самая здесь маленькая)* и внутренней *(эта пуговка укатилась, она любит гулять, и я тоже люблю гулять, она – я).*

Переход от экспозиции к завязке сюжета знаменовался появлением Зла, Черной Пуговицы. Интерпретация завязки в рамках эксперимента полагала, что Черная Пуговица – это Смерть в ее прямом смысле *(волк меня съест)* или в различных редуцированных вариантах: боль *(собачка укусит),* страх или даже страх страха *(я боюсь, потому что очень испугаюсь),* утрата близкого человека *(дядька унесет меня в своем мешке, и я больше не увижу мою мамочку)* – и шире – утрата или повреждение идентичности *(большие мальчишки будут смеяться надо мной).*

Следующее за этим событием двойное тело текста состояло в успешной или неуспешной реализации Свободы: Я-объект принимал решение (внутренняя часть тела текста, внутренняя свобода, преодоление внутреннего препятствия) и реализовывал его (внешняя часть тела текста, внешняя свобода, преодоление внешнего препятствия). Развязка могла быть успешной или неуспешной, но в любом случае она прекращала то событие, которое было создано в завязке. По интерпретации в рамках эксперимента, в развязке протагонист мог обрести некий новый опыт и происходила метаморфоза: протагонист изменялся внутренне и/или внешне либо изменял мир вокруг себя.

Метаморфоза являлась статичным завершением сюжета: протагонист переживал завершившееся событие.

Таким образом, следовало формализовать и поставить в соответствие друг другу элементы сюжетной схемы Экспозиция, Завязка, Тело Текста, Развязка, Метаморфоза – и экзистенциальные понятия Пространство, Время, Идентичность, Свобода и Смерть. С помощью метаязыковой формализации и создания соответствий становилось возможным проверить корректность предварительных интерпретаций и при необходимости их изменить, добавив еще ряд понятий, в которых могла возникнуть необходимость.

Несмотря на то, что интерпретация «пуговичного эксперимента» в экзистенциальной парадигме уже используется с достаточно хорошим эффектом в психотерапевтической и экспертной практике, сам эксперимент может быть назван экспериментом лишь условно, так как не удалось хотя бы теоретически найти контрольную группу, поскольку все группы испытуемых, сформированные различными способами, действовали идентично и не оказывались противопоставленными друг другу. И все же он во всех модификациях сохранял главное свойство эксперимента: идеальную воспроизводимость.

Однако в редукции семишаговой модели сюжета к нескольким экзистенциальным проблемам сохранялась не удовлетворяющая нас произвольность, поскольку сами понятия Пространство, Время, Идентичность, Смерть и Свобода являются объектами многочисленных и часто противоречивых философских истолкований, наделяются разными людьми и в различных контекстах большим количеством значений, в том числе редуцированных или метафорических. Поэтому экзистенциальная парадигма в психотерапии и экспериментальный подход

в психологии всегда полагались взаимоисключающими: предполагалось, что размытые философские понятия невозможно «посчитать», то есть применить к ним математические методы.

Создание метаязыка для такого описания этих семантически размытых понятий дает возможность применить математические методы к объектам, которые всегда рассматривались только в ненадежном поле интуиции.

Требования к метаязыку

Создаваемый для формального описания описываемых в «пуговичном эксперименте» событий и процессов метаязык обязан был удовлетворять рутинным требованиям, предъявляемым к языкам описания.

Формальные требования к любому метаязыку (наир., Гладкий, Мельчук) состоят в том, что он, в отличие от естественного языка, должен иметь закрытый словарь (аксиоматику), в который конвенционально вводятся без определений однозначно понимаемые слова, и синтаксис (операциональную систему) – список строго определенных операций с этими словами. В любом высказывании на метаязыке не должно находиться других слов, чем в словаре метаязыка, и эти слова не могут взаимодействовать иначе, чем это допускает операциональная система. Благодаря этому любое высказывание (А) на метаязыке может быть сопоставлено с любым другим высказыванием (В) на том же метаязыке таким образом, что можно одним и только одним способом ответить на вопросы:

• является ли (В) тождественным преобразованием (А)?

• является ли (В) следствием (А)?

• является ли (В) условием (А)?

• содержит ли (В) элементы, отсутствующие в (А)?

• если (В) содержит некоторое число элементов, отсутствующих в (А), то каково это число?

Теперь представим в общем виде словарь и синтаксис метаязыка ПСН. В этом первичном представлении будут описаны именно принципы, на которых они создавались. Далее будет подробно показана работа над каждым конкретным понятием, долженствующим быть описанным с помощью метаязыка ПСН.

Словарь (аксиоматическая база) метаязыка ПСН

С теоретической точки зрения в качестве аксиоматической составляющей метаязыка можно использовать любые слова, но в этом тривиальном утверждении содержится доля лукавства. Даже великий метаязык традиционной математики, построенный на принятом без определения понятии «число», обнаружил свою уязвимость из-за бесконечной неопределенности этого понятия. Противопоставленная традиционной математическая парадигма, названная «современная математика» (напр., Шиханович) и базирующаяся не на понятии «число», а на понятии «множество», показала свою бОльшую описательную мощь и гибкость за счет того, что конвенция о семантике понятия «множество» оказалась значительно проще и определеннее. Учитывая этот опыт, мы избрали для словаря создаваемого метаязыка слова, понимание которых вообще не требует дополнительных конвенций, то есть семантические примитивы.

Семантические примитивы, по Вежбицкой, – это семантически универсальные «элементарные концепты», которые присутствуют в виде слов во всех без исключения человеческих языках и могут быть переведены с любого человеческого языка на любой другой без искажений. Семантические примитивы исходно понятны и сопротивляются любым экспликациям (как объяснить, что такое «хочу» или «если»?) Вежбицкая обоснованно предполагает, что они «являются врожденными или, другими словами, частью генетического наследства человечества». Как бы то ни было, их абсолютная семантическая прозрачность и переводимость не вызывают сомнений. В силу этого решения метаязык для формального описания текста как

системы отображений экзистенциальных смыслов личности был создан на основе 55-элементного списка семантических примитивов 1987 г. А. Вежбицкой.

В процессе работы над созданием аксиоматической базы метаязыка ПСН список Вежбицкой в целях достижения формальной строгости потребовалось преобразовать. Для этого ко всем без исключения примитивам из 55-словного списка, которые были использованы в качестве сырых слов при формулировке инвариантов на втором этапе процедуры, были рекурсивно применены первые два этапа ПСН, описанные выше: экспериментальное получение вербального материала и выделение из него инварианта.

В результате некоторые примитивы обнаружили свою незаменяемость, тавтологически повторяясь во всех ответах всех испытуемых, так что инвариантами для них оказывались они сами. Эти примитивы были практически неразложимы на составляющие, находясь на границе языковой ойкумены, за которой лежат уже только немые жесты. Описываемый тип семантических примитивов был переведен в статус слов аксиоматической базы без разложения на составляющие и без каких-либо преобразований. Все слова этого типа были устроены семантически настолько сложно – или просто – что представляли собой неразложимые с помощью доступных нам средств ***примитивы-симплексы.***

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.